

Additionally such subjective contrarities as sacralization and desacralisation, scientism and antisientism are scrutinized in the article. These contrarities may have negative consequences. One of them is the confrontation of “traditional science” and “parasience” which is becoming more and more apparent on the modern stage of social development.

In conclusion one more pattern that determines the development of a scientific culture is grounded. It is said about an interrelation between creative human and destructive antihuman sides of scientific research activity. This contradictory unity relates to an important challenge of modernity: to keep a main productive force – a man instead his transformation into destroyed force. To decide this problem the author notes on the necessity to provide a complex and deep analyses aiming to examine not only the history of scientific activity, the becoming of a scientific culture, but also its structural components, their interrelations to each other, to functions of scientific culture and to elements which are external in relation to scientific culture and belonged to a concrete system of human culture as a whole.

М.А. ЛЕПСКИЙ

СТРАТЕГИРОВАНИЕ В ВИЗИИ СОВРЕМЕННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАНИЦЫ

Потребности исследования будущего в прогнозном определении тенденций развития общества в глобализированном мире, проектирование желаемого состояния своего государства и стратегирование деятельности субъектов обуславливают современное научное осмысление границ и трансграничных взаимодействий.

Стратегирование как видение будущего и мобилизация усилий субъектов развития предполагает рассмотрение общества как целостности, принятие решений на высшем уровне управления, взаимодействия с внешней средой и целеориентацию на получение конкурентных преимуществ общественного развития.

Исследование границ и трансграничных отношений стало самостоятельным предметом анализа в геополитике и политической географии, даже был введен термин географическая лимология, наука о границах, в которой преобладал описательный подход, стремящийся к междисциплинарности. Сейчас в качестве классических подходов рассматривают следующие. Во-первых, это **историко-картографический подход**, в котором изучается история возникновения и формирования, устойчивость границы, связи между государственным устройством, политическим режимом и конкретной внешнеполитической ориентацией государства, с одной стороны, и функциями границы – с другой, а также их соотношения с экономической, политической и военной мощью соседних стран, проблему и недостижимость «естественных границ», анализ структуры и картирование этнического состава, культурных особенностей населения, структуры и специализации хозяйства, природных ресурсов, рельефа и природы по обе стороны разграничительной линии между государствами.

Во-вторых, классификационный подход, который выделяет границы по тому или иному признаку. Но даже авторы систематизации «классических подходов В. Колосов и Н. Мироненко отмечают, что «особенно интересны и важны классификации границ по множеству признаков, в которых морфология не отрывается от содержания и функций. Известны частные классификации границ по: морфологии («геометрические», «астрономические», референтные, разделительные и контактные, извилистые, прямые и т.п.); природным особенностям (оро- и гидрографические и т.д.); происхождению, истории и длительности существования; историческим условиям и последовательности возникновения («послевоенные», компенсационные, «навязанные», колониальные, спорные и др.); функциям (соотношение барьерной, фильтрующей, контактной функций, а также функций отражения, регулирования, отделения и сопоставления)» [1, С.305]. Можно отметить, что классификационный подход в процедуре классификации основывается на структурно-функциональном подходе.

В-третьих, функциональный подход представлен в работах австралийского географа Дж. Прескотта и английского географа Джона Хаухза. Так Дж. Прескотт в моделировании предлагал решение двух задач, изучение влияния на местоположение, делимитацию и демаркацию границы на местности различных компонентов географического ландшафта; влияние границы на те же или примерно те же элементы ландшафта. Джон Хауз разработал методическую схему изучения приграничного взаимодействия и классификацию трансграничных потоков в соотношении двух

соседних государств и их приграничных районов, с последующим исследованием структурных социальных, экономических и политических факторов.

В-четвертых, **географо-политологический подход**, который направлен на сближение географии и теории международных отношений в политологии (Дж. Герц, П. Диль, Г. Старр, Б. Мост, А. Пааси, Ф. Барт, Б. Андерсон и др.), где в современных исследованиях изучается взаимовлияние границ и мировых систем. К этому подходу необходимо отнести и геополитический подход, становление которого проходило в работах Р. Челлена, Х. Маккиндера, К. Хаусхофера и продолжается в современных работах.

В-пятых, в новых теоретических подходах в качестве задачи ставится изучение соотношения теории мировых систем, национальной и территориальной идентичности и географии границ. Предпосылками **идентификационно-уровневого подхода** стали необходимость изучения мирового, наднационального, национального, регионального и местных уровней, типов границ в зависимости от геополитической определенности, проблем государственной, этнической и территориальных идентичностей, критика примордиалистских (наций в исконных, измеряемых и осязаемых характеристиках – единства территории, образа жизни, общности хозяйственных связей, языка, психо-культурного склада народа, его этногенеза) и инструменталистских теорий нации (как общности, объединяемые политическими интересами и конструктивными характеристиками, в том числе и мифами, в которых граница представляет собой социальный конструкт). Этот подход представлен в работах В. Колосова и Н. Мироненко.

В-шестых, к новым подходам исследования границ и трансграничного взаимодействия можно отнести **институционально-инфраструктурный проектный подход к трансграничному сотрудничеству**, в Украине его активно продвигает Н. Микула, которая исследует формы, субъектов и функции институций трансграничного сотрудничества и его организационно-правовые и структурно-финансовые механизмы [2].

Необходимо отметить, что поиск теоретико-методологических основ политической лимологии на этапе постнеклассической рациональности актуализирует проблему системного и синергетического рассмотрения роли границы и трансграничного сотрудничества.

Рассмотрим перспективные проблемы и возможные пути их решения в развитии трансграничных исследований. Во-первых, по-прежнему, недооценивается паттерное и контекстуальное значение этимологического содержания понятия «граница», которое во многом определяет социально-поведенческое звучание проблематики и очерчивает предметное поле исследования. У А.В. Семенова «ГРАНИЦА Общеславянское – granica. Древнерусское – грань. Слово «граница» – производное от формы «грань», которая известна в древнерусском языке с XIV в. Древнерусское слово «грань» означало «знак на деревьях на границе земельных или бортовых участков» и восходило к общеславянскому granь, а «граница» – к granica. В связи с этим возможно происхождение из индоевропейской основы. Но предполагается также заимствование основы грань - из германских языков, и наоборот, существует мнение, что немцы в давние времена заимствовали у славян слово «граница»: немецкое – Grenze. Родственными являются: Чешское – hranice. Польское – hranice. Производное: пограничный» [3].

Граница рассматривается как 1. линия раздела между территориями, рубеж; 2 предел, допустимая норма; 3. барьер как преграда, 4. область соприкосновения разных, но связанных между собою процессов, явлений и т. п. 5. условная линия, определяющая пределы государственной территории, разделяющая смежные государства; 6. то, что служит различием между кем-либо или чем-либо, разграничивает кого-либо или что-либо. При этом в первом случае отмечается знаковая природа границы, для визуализации территории – линия, во втором значении отмечается значение функциональное (норма) и критериальное – не просто норма, а «допустимая», выход за которую означает отклонение и патологию. Третье значение акцентирует внимание на процесс движения и его ограничение, требующее преодоления или иной линии движения.

В первом приближении контекстуально выделенные значения позволяют уточнить и функции границы. Из отечественных ученых наиболее полно вопрос о роли трансграничного сотрудничества освещает И. Студенников в работе "Трансграничное сотрудничество и его место в региональном развитии" [4, с. 178]. Он базируется на типологизации функций границы швейцарского географа Ремиджио Ратти – известного ученого по проблемам трансграничного сотрудничества, и отмечает, что "граница содержит двойную концепцию: в одно и то же время он может служить фактором, разделяющим различные политико-институциональные системы, и фактором, что обеспечивает контакт между различными социальными коллективами "[5].

Выполняя одновременно разделяющую и контактную функции, согласно типологизации Ратти Р., границы выполняют роль:

- барьера (преобладающими являются факторы отделения и закрытости, также эффект экономической изолированности);
- фильтра (граница у целом открытая, но выполняет фильтрующую функцию согласно задач национальной безопасности);
- открытой границы (доминирует контактная функция и осуществляется трансграничное сотрудничество как составляющая интеграционного процесса).

В. Колосов и Н. Мироненко отмечают, что в функциональном подходе исследуются соотношение барьерной, фильтрующей, контактной функций, а также функции отражения, регулирования, отделения и сопоставления [1, с.305-307].

Классическая теория функций (барьерно-контактная, фильтрующая, отражения, отделения, регулирующая, сопоставления) требует серьезного пересмотра и развития.

Во-первых, необходимо выделение функции пространственной и динамической отграниченности с основными процессами делимитации и демаркации. Именно пространственная и динамическая отграниченность являются одними из основных свойств системы (в единстве с целостностью и эмерджентностью), что позволяет определить «тело социального организма» от других организмов; с другой стороны, это характеристика того, что плотность связей внутри социального организма выше, чем с внешней средой.

Здесь показательной является ситуация в Украине, которая стала независимой как единый организм при выходе из СССР, сохранила функцию «прозрачной границы» с Россией. При этом внутривнутриполитическое, геополитическое, военное напряжение в обусловленности плотности связей Донецка, Луганска и Крыма с Российской Федерацией привели к фазе неустойчивости этих территорий в области государственной определенности, или произошел переход в состояние тяготения к аттракторам региональной самостоятельности (от децентрализации до возможной федерализации), «зоны утраченной украинской государственности» (по аналогии с Приднестровской республикой, Абхазией, Южной Осетией и др.), с дальнейшей непризнанной вассальной государственностью или тяготения к иной государственности (к России).

Во-вторых, важнейшей для целостности государства является функция избирательной проницаемости. Как раз в этой системной функции проявляются барьерная, фильтрующая и контактная функции, их соотношения и профиль. Причем внутреннюю реакцию государства определяют направленность функции избирательности проницаемости от тоталитарной или военно-тоталитарной определенности (закрытости) до либеральной открытости. Как тут не вспомнить Арнольда Тойнби: «К 1911 году Европа сорок лет жила в мире, и созданные человеком границы между государствами значительно поистерлись. В то время не существовало никаких формальностей при переезде через границу. Если вам захотелось поехать за границу, вы просто покупали билет и ехали, как это делается в пределах одной страны. Впрочем, я обнаружил все-таки, что Турция, посещение которой было у меня запланировано, требовала от иностранца предъявления документа, называемого паспортом. Турция была одной из трех стран в мире, где подобное требование в то время было нормой. Двумя другими были Россия и Румыния» [6, с.29-30].

Эта функция определяет процессы обмена и восстановления равновесия.

В-третьих, это защитная функция, определяющая амортизационные свойства границы по отношению к собственному государству при появлении опасности извне. Граница первая встречает удар при вооруженном нападении, при военных провокациях, при попытке создать буферную зону или территорию конфликта, подобно стратегии Китая на первом этапе войны с Вьетнамом в 1979 году. При этом стратегия агрессии под предлогом «защиты, говорящих на том же языке», использовалась ранее Германией по отношению к Силезии и Лотарингии во время второй мировой войны, используется и Россией по отношению к восточным областям Украины сейчас. Вот как описывается механизм подобных трансграничных приготовлений во Вьетнамо-Китайской войне 1979 года.

«В отношении Вьетнама, других стран Индокитая и всей Юго-Восточной Азии Пекин делал ставку на свою «пятую колонну «хуацяо», которая насчитывает в регионе примерно 20 миллионов. Значительная их часть занята в промышленности и торговле. Совокупный капитал китайской эмиграции в ЮВА достигал почти 20 миллиардов долларов США. Именно в состоятельной прослойке хуацяо пускали корни и орудовали агенты КНР. Им нужны не только «души», но и содержимое их сейфов — золотые слитки, драгоценности, опиум. Подбираясь к богатствам, китайские разведчики проповедовали те же идеи, что и циньские наместники: «Китай везде, где есть

китайцы». А они — представители Пекина — видите ли, будут проводить политику покровительства «зарубежным соотечественникам». Но каким соотечественникам? Пекин проявляет заботу только о тех, кто может принести пользу и нарочито игнорирует судьбу многих сотен тысяч китайских эмигрантов, разбросанных по разным районам мира и подвергающихся эксплуатации. И понятно, почему весной 1978 года китайская пропаганда, подняв кампанию в «защиту хуацяо», пыталась взять под свое «крыло» именно тех китайцев, на которых распространялись законные права правительства Социалистической Республики Вьетнам, проводившего национализацию крупной частной промышленности и торговли в южной части страны, прежде всего в городе Хошимин. Пекинская операция «наньдяо» входила в силу. Ее поддержали и за океаном, где в различных кругах стали муссировать тему «исхода китайцев», о преследованиях китайских промышленников и коммерсантов во Вьетнаме. Заранее спланированные действия Пекина по оказанию давления на СРВ, в связи с вопросом о якобы «бедственном положении» лиц китайской национальности во Вьетнаме, продолжали принимать все большие размеры. 1 мая 1978 года китайские власти выступили с открытым заявлением о будто бы начавшейся кампании по «преследованию лиц китайской национальности во Вьетнаме» [7, с.419-420].

При этом необходимо рассматривать как минимум три существенных процесса. Первая группа может быть обозначена как субъективные угрозы агрессии через границу-рубеж, субъективные угрозы внутреннего раскола границы-фронтира в контексте «защиты – нападения», «сотрудничества – противостояния», «доминанции – равноправия». Во вторую группу входят объективные стихийные бедствия, сейчас в прогностике часто стало использоваться понятие «дикие карты» (Wild Cart). В третью группу можно отнести субъект-объектные опасности, чаще всего, субъектное использование объективных процессов в определенных целях.

В-четвертых, это обусловливаемое, состояние границы, ее «упругость», как в безопасности, так и по отношению к контактными «отстойникам».

«Правило функциональных размещений мало-помалу посредством дисциплинарных институтов кодирует пространство, которое архитектура обычно оставляет свободным, предусматривая его разнообразное использование. Отводятся определенные места, что должно не только отвечать необходимости надзора и разрыва опасных связей, но и создавать полезное пространство. Этот процесс ясно просматривается в организации пространств больниц, особенно военных и флотских госпиталей. Во Франции экспериментальной площадкой и моделью послужил, видимо, госпиталь в Рошфоре. Порт, к тому же военный порт, – с обращением товаров, с людьми, завербованными добровольно или насильно, приплывающими и отплывающими моряками, болезнями и эпидемиями – место дезертирства, контрабанды, распространения заразы: перекресток опасных смешений, место пересечения запрещенных циркуляций. Следовательно, флотский госпиталь должен лечить, но для этого — быть фильтром, устройством, которое улавливает и распределяет по клеточкам. Он должен удерживать под контролем все это движение и кишение, разрубая клубок противозаконностей и зла. Медицинское наблюдение над больными и борьба с заражением неразрывно связаны с иными видами контроля: военного контроля над дезертирами, налогового – над товарами, административного — над лекарствами, нормами довольствия и пайками, исчезновениями, излечениями, смертями, симуляцией. Отсюда потребность в строгом распределении и разбиении пространства» [8, с.209-210]

И, наоборот, сокращение упругости границы может приводить к ускорению процессов пандемии, эпидемии, эпизоотии, эпифитотия. Так, по информационным сообщениям «свиной грипп» попал в США через прозрачную границу с Мексикой и после экономически дестабилизирующей пандемии «куриного гриппа» в Китае.

Защитная функция появляется и в «выделительном процессе» известных явлений «остракизма», беженцев из «зон катастроф», бегства от криминальных наказаний или политических преследований, мигрантов из стран низкого качества жизни.

В-четвертых, это перцептивная функция границы. При этом стоит акцентировать внимание, что восприятие «соседних государств» общего и различного в социальной, культурной, политической, экономической сферах отражает движение извне-внутри. Апперцептивное отражение предполагает осознание обществом предметно-функционального поля границы (изнутри, т.е. в процессе осознания управленческой подсистемы через тело социального организма во вне), по отношению к другим государствам. Иными словами, перцептивная и апперцептивная функции связаны с информационно-коммуникативными и духовно-культурными процессами межгосударственного обмена. Именно эта функция определяет идентификационные процессы на границе, как понимание идентичности и идентификации соседей и других иных на границе, так и самоидентификации по

отношению к ним. Гипофункциональность перцептивной и апперцептивной функций приводит к формированию «пятой колонны».

В-пятых, эта функция обозначена как «отражение» воспроизводства в функциях границ особенностей политического строя, государственного устройства, уровня экономического, социального и культурного развития страны. На наш взгляд, «отражение» рассматривается со стороны соседних государств и здесь присутствует лишь «обсерваторное», наблюдательно-диагностическое значение границы, но в этой функции присутствует и партисипативная функциональность, в значении участия граждан в подсистемах страны, как и процессуальное значение обмена веществом, энергией, информацией и людьми. А также помимо диагностического значения присутствует процесс самовосстановления. Именно функция самовосстановления объединяет проявления отражения и регулирования.

Самосохранение как интегративная функция отражения и регулирования объединяет их в отношениях экстремум-норма. М. Фуко по отношению роли государства в ответственности, в том числе и за границы писал: «Я не считаю, что речь идет о противопоставлении вещей людям; скорее, речь идет о том, чтобы показать, что правительство соотносится все-таки не с территорией, но с некоторым подобием комплекса, образованного людьми и вещами. Иными словами, объекты, за которые правительство должно нести ответственность — это те же люди, но рассмотренные в их отношениях, взаимосвязях, в их переплетении с такими предметами, как богатства, ресурсы, продовольствие и, конечно же, территория, в ее границах, с ее качествами, климатом, засухами, плодородием; именно люди, в их взаимосвязях с такими своего рода вещами, как обычаи, привычки, образы действия и образы мысли, и, наконец, это люди в их взаимосвязи с такими «вещами», как возможные происшествия и несчастья, такие, как голод, эпидемии, смерти» [9, с.11].

Отражение выхода границы в зону патологии за экстремум означает необходимость регулирования к норме социального организма. Не менее важным является отражение регулирования внутренних целостных процессов производства-обмена, распределения-потребления. Выход в зону патологии социального организма характеризует граничные и трансграничные процессы. В Украине — это процесс миграции дееспособных людей в страны западной демократии, подобные процессы характеризовали формирование русских, турецких, китайских и других диаспор.

Иными словами, в-шестых, это функция регулирования, которая вместе с функцией отражения определяется метафункциями целостности общественного организма, речь идет о функции самосохранения.

В-седьмых, исследования требует не только «избирательная проницаемость», но и «потоково-коммуникативная» функция. Все туристы знают, что граница всегда определяет задержку по времени движения. Закрытая — невозможность пересечения или больше времени и изнурительные процедуры пересечения, открытая — меньше времени и облегчение процедуры движения. В системном анализе поток рассматривается в эффекте «задержки системных изменений». Мощность объема потока, инфраструктуры коммуникации, фильтров входа и выхода («избирательная проницаемость»), и ресурсов как резервуаров скопления веществ, энергии, информации, людей.

В-восьмых, граница в целостном социальном организме определена генетическими процессами развития. Так, в процессе адаптации и адаптирования границы как образа жизни людей с ее природным и социальным режимом формируется граничный социальный генотип, передающийся в социокультурных кодах, архетипах и паттернах поведения, а также каждое поколение людей формирует социальный фенотип, у которого есть шансы закрепиться в социокультурном генотипе.

История сохраняет традиции границы, а современность определяет новации в этих традициях.

В-девятых, в ментальном плане граница определяет социокультурные миры в общественном или даже общественном сознании, в их многообразии как обособленности, отграниченности от других и в единстве, общечеловеческом тождестве, что отражается в символической функции границы и процессе картографирования. Необходимо отметить, что многие геополитические теории совершенно не учитывают границы независимых государств и определяют границы в контексте «разлома цивилизаций», «геополитических территорий» или «границы теоретических идей или проектов».

Так, определяются проекты «метрополи и ее мира», людей одной национальности или говорящих на одном языке с «имперским центром», но проживающих в другом государстве. Ранее мы уже рассматривали факты того, что «имперские», «неоколониалистские» идеи становилось обоснованием агрессии, предлогом для аннексии в геополитических играх, где граница становилась плацдармом для агрессии. Происходила ментальная актуализация защитной функции, в ментальной

патологии подобно явлениям психосоматических заболеваний кожи у человека, когда отклонения в психике отражаются на теле, в кожных заболеваниях.

В-десятых, это презентационная функция, которая учитывает явления восприятия общественного организма гражданами другого государства, и эта функция находится в единстве со своей противоположностью, с обсерваторной функцией. Эффект «первого впечатления» от государства определяет и явления презентационного функционирования. В границе государство стремится создать «социальный макияж» красоты, величия или других ценностей приукрашивания. В этой функции проявляются процессы посттравматических или травматических синдромов социального организма.

Мы рассматриваем исторические травмы и «рубцовые» явления или социально-психологические повреждения «стигматизации» как идентификационного враждебного клейма, или недоверия, обоснованного историческими стереотипами или социокультурными метафорами. Это процесс гипертрофии враждебности, абсолютизации «иного» и закрепления их в «клейме», тех образах, которые не позволяют найти взаимопонимание и прийти к дипломатическому рациональному разрешению конфликта, поскольку преобладает эмотивное, во враждебной аффективности.

Стигматизация и социально-психологическое, ментальное травмирование в трансграничных отношениях является одними из ключевых индикаторов эскалации конфликта, долговременность которого закреплялось «горячей фазой» противостояния с гибелью граждан противоборствующих сторон. Так, установленные в социологическом исследовании моей ученицы Кулик (Бойко) М.А. образы врага и исторически травмирующие события практически все оказались в пропагандистско-информационной повестке дня противоборствующих сторон 2014 года в Украине. И эти события привнесли новые стигмы противостояния («укропы», «ватники» и т.д.).

Соответственно, дипломатическое урегулирование будет означать посттравматическую реабилитацию сторон в массовом сознании, хотя и с возможными рецидивами в будущем.

Исследование функционального состояния современной границы требует отказа от механистичной картины мира требует исследования целостных функций общественного организма и отражения их в функционировании органа (в нашем случае границы), т.е. органичных проявлений метафункций; а также исследования функционирования границы, как социального органа в объективных процессах взаимодействия с другими государствами и метасубъектами формирования мировой цивилизации; третьим требованием к исследованию границы является исследование структурных носителей функционирования, институтов, инфраструктур, субъектов в соотношении нормы, структурных нарушений и функциональных патологий; четвертым вызовом для исследователей границы является необходимость синергетических процессов в общественном организме в рассмотрении не только его неустойчивости и самоорганизации, но и различных фазовых состояниях, портретах и функциональных режимах, которые определяют совершенно иное состояние, соотношение и формат единства функций границы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 479 с.
2. Мікула Н. Міжтериторіальне та транскордонне співробітництво: Монографія. — Львів: ІРД НАН України, 2004. — 395 с.
3. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. — М.: Издательство «ЮНВЕС», 2003. — 702 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text15/007.htm>
4. Студенніков І. Транскордонне співробітництво та його місце в регіональному розвитку // Регіональна політика в країнах Європи: Уроки для України / Київ. центр Ін-ту Схід-Захід; за ред. С.Максименка. — К.: Логос, 2000. — С.138-167.
5. Ratti R. Strategies to overcome barriers: from theory to practice / R. Ratti // Theory and practice of transborder cooperation / Ed. by Ratti R., Reichman S.- Basel; Frankfurt am Main: Helbing und Lichtenhahn, 1993. — P. 241 — 267.
6. Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи. / Пер. с англ. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 672 с.
7. Ильинский М.М. Индокитай: Пепел четырех войн (1939-1979 гг.). — М.: Вече, 2000. — 512с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумова; Под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. — 480 с.

9. Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и её генезис) / Пер. И. Окуновой // Логос. – 2003. – № 4/5. – С. 4 – 22.

SUMMARY

This article discusses current approaches and explore the boundaries of its operation.

In the current research borders dominated by some basic approaches. First`s, it is a historical and cartographic approach, which studies the history of occurrence and forming, stability boundaries between the public structure, political system and foreign policy orientation of a particular state, on the one hand, and the functions of the border - on the other hand.

Second`s, the classification approach emphasizes the border on a particular basis.

Third`s, the functional approach have orientation to solve two problems: the impact of the geographical landscape on location, delimitation and demarcation; influence of the boundary on the same elements of the landscape. Furth`s, there is geography and political science approach, which aims at the convergence of geography and international relations theory in political science. Fifth`s, the identification-level approach research borders levels of functioning and types of borders that conditionality depends on geopolitical certainty, problems of state, ethnic and regional identities. Sixth`s, the study of borders and cross-border cooperation is a carried out institutional infrastructural project`s approach to cross-border cooperation.

Author propose the research the functioning of the border as a social organ, and as part of a holistic social organism, and hence the determination of the metafunction integrity. In the article have stating problem`s future research of the functioning of the border due to the integrity of society meta-functions boundaries of their own functions as an organ of society; structural supports of the functions the border; as well as the functioning of synergistic processes, instability and self-organization, in various phase conditions, portraits and functional modes that determine the format of the functions of the border.

Л.Д.КРИВЕГА, Е.В.СУХАРЕВА

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В 21 СТОЛЕТИИ

Ускорение темпов социальных перемен, усложнение содержания и механизма взаимосвязей всех процессов в современном обществе *актуализируют* исследование специфики жизнедеятельности человека в 21 столетии. Очевидным является кризис личностной идентификации, связанный с нарушением целостности и гармоничности экзистенциально-бытийственных сторон жизни современного человека, нарушением его взаимосвязей с окружающим миром и наиболее явственно обозначивший свои проявления на фоне становления нового мирового порядка и перестройки устройства современного мира.

Изучение данной проблемы опирается на научный поиск таких признанных классиков философии как Н. Бердяев [3], М. Бубер [4], Ф. Ницше [11], В. Франкл [16]. В числе сочинений по интересующей нас теме - труды Б. Ананьева [1], Г. Верещагиной [5], Б. Григорьяна [6], М. Мегрелишвили [12], Н.Скотной [14] и ряда других авторов [10; 13; 15]. Определенные аспекты жизнедеятельности современного человека рассматриваются также в работах таких американских исследователей как С. Фалуди [17], Р. Флорида [18; 19], П. Хансен [20] и др. Следует заметить, что проблема человека часто локализовалась в рамках философской антропологии до узкого ракурса природного бытия или особенностей внутреннего мира личности, в результате чего анализ феномена жизнедеятельности современного человека недостаточно рассматривался как самостоятельный объект философской рефлексии. Все это обусловило поставить такую *цель* написания данной статьи как выяснение особенностей социального бытия человека в 21 столетии через призму его жизнедеятельности.

В идеале жизнедеятельность современного человека направлена на создание условий, которые позволяют ему вести жизнь, представляющую для него ценность, и на протяжении всей жизни реализовывать свой человеческий потенциал в социально одобряемых формах. Нормативные принципы такого развития человека в их общем виде отражены в Целях ООН в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, которые представляют собой согласованный на международном уровне и привязанный к конкретным срокам набор целевых показателей по сокращению крайней нищеты, достижению гендерного равенства и созданию более широких возможностей для улучшения здоровья и образования. Однако продвижение к этим целям в